

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Беседа с ученым, писателем,
библиофилом
Олегом Григорьевичем Ласунским

Уважаемый Олег Григорьевич, Ваша монография «Литературно-общественное движение в русской провинции» обозначила принципиальную позицию воронежского краеведения: провинция в прошлом не уступала в интеллектуальном уровне развития центру, отношения между столицами и российскими периферийными городами развивались динамично и диалектически. Какими представляете Вы место и роль Воронежа в современной истории России? Изживаются сегодня культурный провинциализм?

Начну издалека. Мне не раз приходилось ссылаться на необычайно емкие по содержанию «Заметки о русском» Д. С. Лихачева. В частности, там отмечается, что наши отечественные ученые-гуманитарии, прежде всего историки и культурологи, редко учитывают в своих трудах так называемый «географический фактор». Речь идет о том, чтобы всегда держать в уме то обстоятельство, что Россия, единая и целостная как государственное образование, весьма многообразна по индивидуальной характеристике своих территорий. Лихачевская мысль как бы очевидна и теоретически справедлива. На практике же учесть «географический фактор» бывает нелегко — в немалой степени по причине регионального изоляционизма. Субъекты Федерации нацелены на Москву и слабо идут на разного рода межрегиональные контакты. Претензии на некий автономизм, на особое к себе внимание Федерального центра мешают регионам общаться напрямую между собой. Жесткая «властная вертикаль», утвердившаяся в современной России, сильно потеснила взаимополезную «горизонталь».

Может быть, заметней всего эта тенденция проявляется в массовом, любительском, а отчасти и научном краеведении. С одной стороны, местная старина рассматривается как органическая часть общенациональной истории, а с другой — как совершенно обособленная, самодостаточная собственность, которую надобно охранять от вражеских покушений, исходящих от соседей. Вот пример. Пять областей Центрального Черноземья, как известно, связаны между собой узами общей исторической части. Казалось бы, у краеведов есть немало поводов для совместных исследовательских проектов, да и просто для товарищеских встреч, которые могли бы придать новые импульсы для взаимополезной разыскательской работы. Увы, все попытки объединиться в некую творческую ассоциацию терпят фиаско: краеведы предпочитают трудиться на своих делянках и не стремятся выходить за границы, очерченные на административной карте страны. В 1974 году в Воронеже вышел библиографический указатель материалов по литературному краеведению Центрального Черноземья. Мне хотелось этим изданием расшевелить коллег со смежных территорий, подвигнуть их на деловую кооперацию, по крайней мере, на взаимовыгодный обмен информацией. Ничего не вышло: краеведы продолжают, что называется, молотить свою копну.

Что имеем в итоге? А то, что четко ориентированные на центр регионы вовсе не торопятся укреплять свои «горизонтальные» связи, в том числе и культурные. Чаще всего совместные мероприятия проводятся по указке столичных чиновников... С учетом вы-

шешизложенного трудно и даже невозможно, проживая в Воронеже, с определенностью и полнотой ответить на вопрос о роли и месте нашего города в современной истории России. Это легче и удобнее сделать тому, кто обозревает общую ситуацию из Москвы.

Я лишь могу сказать, что назойливое старание горе-патриотов навязать Воронежу неофициальный статус «культурной столицы Черноземья» меня смущает, а соседей,думаю, — раздражает. Сейчас каждый регион обладает основным набором образовательных и культурно-просветительных услуг. Что же касается качества работы соответствующих учреждений, то «культурная столица Черноземья», если быть самокритичными, частенько выглядит весьма удручающе. Если, к примеру, сопоставить эффективность функционирования Воронежского и Белгородского литературных музеев, то сравнение будет далеко не в пользу «столицы». Вообще удивительное дело: на протяжении нескольких десятилетий наш музей им. И. С. Никитина находится в состоянии летаргического сна, а областное начальство смотрит на это с полнейшим равнодушием... Или еще. Моя вечная боль — состояние полиграфической базы в Воронеже: это ведь тоже один из важнейших показателей культурного уровня в крае. Мне как старому книжнику бывает стыдно и обидно за то, что свои лучшие работы наши издатели вынуждены везти печатать в Белгород, Липецк, Тулу. У нас всегда хромало качество типографского исполнения продукции. А сейчас и того хуже: Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж» перестает заниматься производством книг в переплете. Разрушается типография, деятельность которой продолжалась более полутора веков, — и опять никого из власти предержащих это не заботит. Так что едва ли следует утверждать, будто культурный провинциализм в богоспасаемом граде Воронеже изживается.

Культурный провинциализм преодолевался усилиями отдельных личностей. Роль чиновников в этом процессе всегда была чрезвычайно мала. Неслучайно образ города в массовом сознании сопряжен с исключительными именами, своего рода городскими символами. По Вашему мнению, что это за имена для Воронежа?

В советские времена мне довелось немало поездить по стране в качестве лектора по линии республиканского общества книголюбов. Я выступал преимущественно перед интеллигентской публикой — в библиотеках, музеях, вузах. И каждый раз, когда объявлялось, что лектор прибыл из Воронежа, по рядам шелестели имена А. Кольцова и И. Никитина. Эти поэты как раз и были воронежскими символами для всех, кто жил «во глубине России». Не секрет, однако, что эпоха социального обновления внесла серьезные корректизы в сложившуюся систему духовных приоритетов. Уже на заре горбачевской перестройки в сознании моих земляков прочно утвердились фигуры Андрея Платонова и Осипа Мандельштама: ведь благодаря им наш город появился на воображаемой литературной карте мира, а не только своего Отечества. Кольцов и Никитин по-прежнему воспринимаются как неотъемлемое земляческое достояние. Однако под напором современных реалий они явно перемещаются на задний план. Вообще «золотой век» изящной словесности, еще совсем недавно бывший для моих сверстников достаточно близкой эпохой, теперь отодвигается куда-то в туманную даль, покрывается бездушным хрестоматийным глянцем. Платонов и Мандельштам, напротив, продолжают волновать нас своими драматическими судьбами: ведь период сталинской тирании еще нескоро станет просто очередным отрезком российской истории.

В этой связи нельзя не назвать еще одно имя-олицетворение — Анатолий Жигулин. Жертва последней волны активных политических репрессий, человек, изведавший «прелести» сибирского лесоповалы и колымских урановых рудников, он сумел с предельной откровенностью отобразить в стихах и prose (автобиографическая повесть «Черные камни») трагедию своего поколения. По словам Евгения Евтушенко, бронзовый или гранитный Жигулин, а не Железный Феликс должен был стоять напротив Лубянки — как персонифицированный тип Неизвестного Лагерника. Так что Жигулин уже по праву своего рождения и своего вклада во всероссийскую творческую копилку заслуживает особой признательности со стороны земляков. Но есть и еще одно существенное обстоятельство: Воронеж всегда оставался для Жигулина источником поэтического вдохновения. Местные сюжеты в его лирике многочисленны, а строчка «Воронеж!.. Родина. Любовь...» поистине обрела крылья. Жигулин воспел свой город с исключительной художественной силой — в этом смысле ему, пожалуй, нет достойных конкурентов.

Неслучайно решением городского управления культуры 2010-й год объявлен по соответствующим учреждениям Воронежа Годом А. В. Жигулина.

Среди культовых имен, выбитых на скрижалях в воображаемом пантеоне земляческой славы, я бы выделил также имя Марии Мордасовой. Ведь вышеупомянутые писатели являются авторитетными, знаковыми личностями, как правило, для образованной, интеллигентской публики. А для российских регионов с преобладанием аграрного населения образ воронежского края нередко ассоциируется как раз с именем частушечницы Мордасовой, обогатившей стихию народного певческого искусства индивидуальной манерой исполнения. На волнах Радио России и сейчас продолжает звучать озорной голос воронежской певуньи.

Следует обратить внимание на один любопытный факт: территориальная символика чаще всего связана со сферой культуры (в ее широком понимании). На нашем земляческом пьедестале славы, на самых верхних его ступеньках стоят, например, лауреат Нобелевской премии, академик, физик П. А. Черенков или ученый-космонавт К. П. Феоктистов. Однако их фигуры едва ли могут служить условным обозначением целого региона. В этом отношении даже корифеи науки, выдающиеся специалисты в своей области не способны соперничать с мастерами культуры, которые в своих произведениях проникают в самые глубинные, сущностные пласти человеческого бытия.

Я согласна с Вами, что имена выдающихся представителей художественной сферы всегда и везде становились лучшим олицетворением культуры. Особенно это касается поэтов и прозаиков, сумевших выразить время на языке своих соотечественников.

В начале восьмидесятых годов студентам филфака ВГУ Вы, Олег Григорьевич, читали спецкурс «Литературные маршруты Воронежа». Или что-то в этом роде. Недавно для университетских студентов-культурологов разработан аналогичный курс. За четверть века, однако, не укоренилась практика реальных туристических программ по литературным местам города. В чем Вы видите причину?

Помнится, в ходе зачета по этой дисциплине я отправлял нерадивых заочников быстренько «прогуляться» по Проспекту Революции и, вернувшись, доложить мне о результатах. Похоже, они вполне искренне благодарили меня за вынужденную «прогулку». Со студентами стационара я лично проводил экскурсии по главной городской магистрали, которую можно считать обширным литературным музеем, разместившимся под открытым небом. Я неизменно отстаивал на кафедре и факультете идею, как бы сегодня выразились, дополнительного образования, когда полученные в учебной аудитории историко-литературные знания подкрепляются живой практикой. Причем, я не исключил бы и виртуальных экскурсий: ведь даже не покидая аудитории, можно пройти по заранее намеченному маршруту: репродукционная техника позволяет теперь это делать. Знаю, что доцент М. А. Слинько, ведущая аналогичный спецкурс в педагогическом университете, часто совершает со своими питомцами реальные и воображаемые «прогулки» по литературным адресам.

Почему подобная практика не прижилась в ВГУ? Вероятно, по совершенно банальной причине: мало или вовсе нет инициативных, заинтересованных лиц в преподавательской среде. Не подумать ли в таком случае о формировании специальной группы экскурсоводов из числа толковых студентов-старшекурсников, как это делается во многих гимназических музеях со старшеклассниками?! Краеведческих пособий существует сейчас достаточно для того, чтобы разработать самые разнообразные туристические программы. Что это за университетские выпускники-культурологи, если в самостоятельной жизни не сумеют ответить на вопросы любопытствующих обывателей о мемориальных литературных и иных местах Воронежа!

Мой следующий вопрос непосредственно будет касаться ситуаций возрастания и угасания культурной энергии в регионе. В культурных процессах города всегда можно обнаружить определенные доминанты: система просвещения, театр, журналистика и пр. Можно ли выделить такие эпицентры культурной энергии в те или иные десятилетия последнего столетия?

Выброс колоссальной творческой энергии пришелся на период после Февральской революции и на 1920-е годы, когда в интеллигентских кругах еще теплилась надежда на свободу индивидуального волеизъявления. В Воронеже (полагаю, и в других крупных

провинциальных городах) в ту пору действовало немало самодеятельных объединений, клубов, кружков (в том числе литературно-артистический кружок им. А. П. Чехова, члены которого преследовали культурнические цели). Спасаясь от голода, многие деятели культуры и просвещения покидали Петербург и Москву и отправлялись на плодородный черноземный юг. В губернском центре бурлила театральная жизнь, ставились авангардные балетные премьеры (сегодня историей воронежской хореографии тех лет увлеченно занимается Б. П. Векслер), проходили концерты знаменитых вокалистов и инструменталистов. Поразительно богат был репертуар зреющих мероприятий... Всколыхнулась и журналистика. Вот цитата из «Известий Воронежского губисполкома» (от 18 декабря 1918 года): «Воронеж по обилию литературных и журнальных изданий становится второй... Меккой». Действительно, трудно даже представить, какое количество газет, журналов, альманахов выходило тогда в свет — это при том, что катастрофически не хватало бумаги, а типографии задыхались от отсутствия профессиональных кадров. У нас историей местной периодики много лет интересовался покойный профессор ВГУ Г. В. Антюхин. К сожалению, его монография, посвященная партийно-советской печати (Воронеж, 1976), страдает крайним догматизмом. Право, было бы гораздо полезнее, если бы автор взялся за составление и издание исчерпывающего аннотированного библиографического перечня воронежской прессы 1917—1930 годов. Я, честно сказать, испытываю чувство обиды: в городе есть факультет журналистики, а мы до сих пор не располагаем таким трудом (в других регионах подобные сводные указатели имеются).

В 1930-е годы культурные процессы были поставлены правящим режимом под свой полный контроль. Так, учрежденный при И. М. Варейкисе литературно-художественный журнал «Подъем», редактировавшийся М. М. Подобедовым, являлся, по сути, приложением к партийной газете «Коммуна». Потом были война, послевоенная разруха, хрущевская попытка «оттепели», брежневский «застой». Культурную политику в столице и на местах определяли соответствующие отделы ЦК КПСС. И только горбачевская перестройка с ее лозунгами «ускорения» и «обновления», с ее отменой цензуры и плюрализмом общественных мнений растопила ледяные глыбы коммунистической идеологии. Мы являемся сейчас свидетелями очередной «вспышки на солнце»: культурная жизнь в крае отличается интенсивностью и разнообразием. Ей не помешал даже глобальный экономический кризис, поразивший весь мир. Сошлись на собственный опыт: 2009-й год, объявленный в нашей области Годом А. В. Кольцова (в связи с 200-летием со дня рождения поэта-песенника), прошел на удивление плодотворно. Правда, некоторые пункты комплексного «кольцовского» плана так и не были выполнены, но в целом именной Год состоялся, и основные проекты, научные, издательские, реставрационные, выставочные, концертные и другие осуществились. Как всегда, рабочими лошадками были энтузиасты, «вольные художники», этакие волонтеры от культуры — если бы им еще не мешали чиновники!

В состав книжной коллекции, которую Вы передали Никитинской библиотеке, входит и собрание старых почтовых открыток с видами Воронежа и его окрестностей до 1917 года. Олег Григорьевич, сожалеете ли Вы о каких-либо архитектурных утратах нашего города?

Поскольку речь зашла о старых почтовых открытках, не могу не сказать о недавнем и весьма отрадном событии: в 2009 году творческое объединение «Альбом» выпустило книгу-каталог «Воронеж в антикварной открытке. Конец XIX — начало XX веков». Автором-составителем является А. А. Бубнов. Его же филокартистская коллекция легла в основу иллюстрированной книги, которая, между прочим, отпечатана, переплетена и упакована в футляр усилиями работников двух московских типографий: ее можно рассматривать часами. Наряду с храмами, казенными зданиями, особняками состоятельных горожан мы лицезреем убогие домишкы, взирающиеся по кручам «молодых воронежских холмов». Дореволюционный Воронеж — город преимущественно мещанского и купеческого сословий. В нем не было роскошных аристократических дворцов, невероятных шедевров зодческой мысли. В 1942 году при бомбежках, артиллерийских обстрелах и в пожаришах погибло немало более или менее своеобразных в архитектурном плане сооружений. После войны появились целые массивы стандартной жилой застройки — «хрущевки». В новейшее время, точно грибы после дождя, растут индивидуальные коттеджи и дома-высотки.

К чему я клоню? Зримый образ каждого значительного административного центра неумолимо меняется в бесконечном потоке времени. Приостановить, хотя бы замедлить этот процесс невозможно, да в том и нет необходимости: в любую эпоху люди хотят жить и трудиться в комфортных, более совершенных, чем раньше, условиях. Мне кажется, что, если бы те, кто больше других шумит о гибели былого Воронежа, сами бы пожили в полуразвалившихся, лишенных элементарных санитарных удобств домах с их полукоммунальным бытом, то они лучше поняли бы мотивы, которыми руководствуются современные архитекторы. Спору нет: в Воронеже творится строительный беспредел, и я не раз был «подписантом» тревожных коллективных писем в адрес городской исполнительной власти. Но я не принадлежу к числу тех, кто готов расширить себе лоб в поклонах по матушке-старинушке.

Конечно, я сожалею о многих архитектурных утратах, в которых повинны не одни лишь бомбы, снаряды и пламя огня. Насколько увлекательней были бы для читателей наши с Александром Акиньшиным «Записки старого пешехода» или моя «Литературная прогулка по Воронежу», если бы сохранились все упоминаемые в книгах здания! Однако давайте признаемся: Воронеж стал гораздо краше, нежели был в советскую пору с ее пресловутыми типовыми застройками. А теперь представьте: пройдет сто лет, и наши потомки будут разглядывать «антикварные» открытки с видами нынешних зданий из бетона, стали и стекла, с их вычурными очертаниями и часто бессмысленными башенками. И наверняка найдутся плакальщики по поводу случившихся за минувший век архитектурных утрат... Тяжелую поступь истории не остановить. Так что, думаю, не стоит впадать в истерику, но надо с холодной головой продолжать борьбу за сбережение памятников зодческого искусства, доставшихся нам в наследство от прошлых эпох.

Однажды Вы сказали, что каждый человек рожден собирателем. Мне представляется, что потребность в коллекционировании достаточно редкая для современного общества. Так уж устроена человеческая память — хранить то немногое из прошлого, что может быть полезно для дня сегодняшнего. У русских же стремление к коллекционированию из-за отсутствия в культурной истории врожденной практичности и бытовой бережливости, из-за недостаточной актуализации в общественной среде институтов архивирования культурных ценностей тем более кажется проблематичным. Видимо, у Вас иной опыт восприятия этой ситуации.

Да, каждый человек рождается собирателем, только едва ли об этом догадывается. Причуду собирательства природа придумала для того, чтобы люди не становились рабами угнетающей души обыденности. Объектами неосознанного коллекционирования могут стать самые различные физически осязаемые вещи (о коллекционировании идей, мыслей, знаний речи не идет): у детей — игрушки, у взрослых — наряды, предметы бытового обихода, драгоценности, просто необычные штучки. Известный тамбовский коллекционер Н. А. Никифоров рассказывал мне про слесаря дядю Васю, который складывал в специальную коробочку искривленные гвозди и любовался их замысловатой конфигурацией — это тоже было проявлением собирательского инстинкта.

Осознанное коллекционерство — преимущество лиц (вне зависимости от их социальной и национальной принадлежности), в сердце которых не погасло романтическое восприятие бытия, у которых принцип житейской целесообразности не подавил способности по-детски реагировать на окружающий мир. Собирательское увлечение — одна из сильнейших и благороднейших страсти, дарованных человечеству. Настоящие коллекционеры — избранные натуры, штучный товар. Что ж из того, что они не встречаются на каждом шагу! Просто надо понимать, что без них наша жизнь в какой-то мере обесцветится, потеряет малую толику своей прелести.

Я неплохо знаю современную библиофильскую братию. Чаще всего это — интересные, нравственно чистые люди: само общение с себе подобными существами затмевает для них практическую пользу от купли-продажи раритетов. Российские библиофилы — чрезвычайно живучее племя, они всякий раз приоравливаются к новым условиям, складывающимся в социуме. Даже сталинские гонения на коллекционерские объединения в конце 1920-х годов не заставили библиофилов отказаться от своих привычек, они только ушли в подполье. Сейчас функционирует Организация российских библиофилов (ОРБ), учрежденная, между прочим, в Воронеже ровно 20 лет тому назад.

Собиратели книжных реликвий зачастую бывают и архивофилами, обладателями уникальных коллекций письменных памятников, исторических документов, изобразительных материалов и т. д. Комплектаторы государственных архивохранилищ порой видят в этих людях своих конкурентов и стараются от них отгородиться. Зря они так поступают: частные коллекции рано или поздно переходят в собственность архивного ведомства. Вообще между чиновниками и энтузиастами, «вольными стрелками» отношения в нашей стране складываются далеко не безоблачные — по причине извечного недоверия русского человека к работе скрипучего государственного механизма.

Итак, давайте не забывать, что любители-коллекционеры, удовлетворяя личную страсть, одновременно помогают уберечь от гибели свидетельства прошлого, культурные накопления давно отшумевших эпох. В этом — их общественное предназначение.

«Редкая книга» — это особая формула для обозначения наиболее ценных для библиофилов изданий. Не кажется ли Вам, что в недалеком будущем всякая печатная книга станет редкостью? Что теряем и что приобретаем мы вследствие перехода к экранной культуре?

«Редкая книга» — понятие, несмотря на расхожесть своего употребления, очень неопределенное. Его трудно вкратце растолковать. Как-то на одной из книговедческих конференций в Москве сотрудница отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина попыталась раскрыть данную дефиницию. Ей потребовалась для этого целая страница текста, и все равно терминологической ясности не было достигнуто.

Один из основных элементов понятия «редкая книга» — тиражность издания. Считалось, что чем меньше тираж, тем больше шансов, что книга попадет в разряд раритетов. Действительно, когда из типографии книга выходила сотнями и тысячами экземпляров, о какой «редкости» можно было говорить?! Если же книга печаталась в количестве 25—100 экземпляров, это уже гарантировало ей пристальное внимание библиофилов.

Полиграфическая революция, совершившаяся (и, кажется, еще продолжающая совершенстваться) на наших глазах, начисто смела прежние представления о том, что есть «редкая книга». Я бы даже сказал, что само это понятие утратило всякий смысл применительно к современным изданиям. При теперешних электронных средствах воспроизведения текста и изображения, при наличии и доступности компьютеров и приспособлений для репродукции ничего не стоит тиснуть рукопись тиражом в один–два (и так далее) экземпляров. Правда, такие экземпляры, предназначенные обычно для домашнего употребления, не проходят государственную библиографическую регистрацию. Но ведь они физически существуют и могут попадать в списки библиофильских дезидератов.

Грозят ли нынешние информационные технологии гуттенбергову изобретению? Традиционная печатная книга в самом деле подвергается сильнейшей проверке на прочность, на выживаемость. В начале XX века, в эру великих изобретений в области коммуникации, книге тоже предрекали смерть, но тогда она выдержала испытание. Теперь ситуация гораздо серьезней. Не хочется накликивать беду, но, похоже, для розового оптимизма оснований нет. Могучими соперниками книги стали Интернет, аудио- и видеопрограммы, прочие чудеса науки и техники. Загляните в так называемые массовые библиотеки, там вместо читателей бродят какие-то одинокие тени: литературы на полках полно, а ее потребителей нет. Разумеется, прогресс неостановим, да и сам жизненный ритм неизмеримо ускорился. Нет времени на посещение тихих библиотечных зал и куда как удобнее листать книги у себя в квартире на мониторе компьютера. Всемирная паутина и прочие технические достижения — великое благо для людей XXI века: знания добываются быстрее и в определенной мере надежнее, пользоваться электронными версиями текстов для молодежи удобнее. Все это — бесспорные плюсы экранной культуры. Они адекватны вызовам нашего динамичного времени.

Звуково-визуальная книга предназначена прежде всего для лиц с практическим складом характера, она выполняет сугубо утилитарную образовательную функцию. Старая добрая книга хороша своей гармоничностью: выгода познания сочетается с эстетическим эффектом: как приятно слышать шелест страниц, поласкать ладонью округлость переплетного корешка! С бумажной книгой как-то уютней жить. Во всяком случае, пока на свете не исчезли истинные книжники (в их числе и библиофилы), есть гарантия того, что традиционная книга не уйдет из нашего духовного обихода.

В декабре 2006 года в Доме актера прошла презентация вышедшей под Вашей редакцией «Воронежской историко-культурной энциклопедии. Персоналии» (далее — ВИКЭ). Было проанализировано сразу 600 экземпляров книги, и многие желающие ее приобрести не смогли этого тогда сделать. В чем Вы видите причину такого ошеломляющего успеха?

В том, что провинция изголодалась по серьезной информационно-справочной литературе. Посмотрите, каков всплеск интереса к территориальным энциклопедиям! Ведь в советскую эпоху в стране имелось единственное профильное издательство, которое готовило энциклопедии. Они всегда по своему содержанию носили общесоюзный характер и демонстрировали полнейшее пренебрежение к истории и текущей жизни российских краев и областей. А теперь появляются справочники, посвященные не только отдельным субъектам Федерации, но и более мелким административным единицам — районам, городам и даже селам. С точки зрения книготоргового бизнеса энциклопедистика стала прибыльной отраслью.

О подготовке и выпуске краевой энциклопедии, освещавшей индивидуальный вклад корифеев культуры и гуманитарных наук в умственную и художественную жизнь региона, отечества, всего мира, я мечтал давно. Собственно вся деятельность созданного мною в 1971 году Воронежского историко-культурного общества (ВИКО) предвосхищала этот проект. За истекшие десятилетия сложился костяк высококвалифицированных специалистов, преимущественно вузовских ученых. С такой командой эрудитов можно было без боязни приступить к реализации заветной идеи. Около четырех лет продолжалась непосредственная работа над ВИКЭ. И все это время нас поддерживала Людмила Федоровна Попова, директор Фонда «Центр духовного возрождения Черноземного края», настоящая подвижница издательского дела.

В чем состояли конкретные цели и задачи ВИКЭ? Поскольку творческие свершения чаще всего являются результатом труда одаренных одиночек, и «человеческий фактор» играет здесь ключевую роль, решено было произвести своеобразную «кадровую инвентаризацию» и сформировать нечто вроде региональной духовной элиты. Знать и помнить своих замечательных земляков, тех, кто, преодолевая внешние обстоятельства, а порою и самих себя, добились на своем поприще значительных успехов, — это мощный стимул для воспитания патриотических (в лучшем смысле этого слова) чувств у подрастающего поколения, да и для активизации всей гуманитарной среды. Подчеркну такую деталь: составители включали в ВИКЭ не одни звучные имена. Мы подводили пользователей энциклопедии к мысли о том, что едва ли не любой пахарь культуры достоин благодарного общественного внимания. Фигурально выражаясь, для нас культура — это не только пики и хребты, но и весь горный массив, возвышающийся над равниной.

Еще один принципиально важный момент: в век, когда коммерциализация издательской сферы становится чуть ли не национальным духовно-нравственным бедствием, мы сразу отsekли для себя возможность «подзаработать». Как известно, в стране выходит немало биографических словарей, где свое присутствие можно просто оплатить. В результате такие словари превращаются в скопище псевдогероев, в парад заурядного человеческого тщеславия. Редколлегия ВИКЭ, составляя предварительный словник, старалась исходить только из собственных представлений об общественных заслугах того или иного претендента на включение в энциклопедию.

В 2009 году ВИКЭ вышла вторым, переработанным и дополненным изданием. Более четырех с половиной тысяч имен персонифицируют все многообразие вековых творческих накоплений региона, причем немало имен пришлось вызволять из забвения с помощью архивных, библиографических и иных поисковых способов. В энциклопедии значителен процент персонажей, судьба которых каким-то образом связана с ВГУ.

Деятельность многих лиц из ВИКЭ, как и Ваша, Олег Григорьевич, к счастью, связана с Воронежским госуниверситетом. В чем именно состоит главное значение ВГУ для воронежской культуры?

Само слово «университет» для моих ровесников — отнюдь не пустой звук! Многие десятилетия это понятие ассоциировалось с представлением об учебном и научном Олимпе. Мы помним, что в дореволюционной России было всего несколько университетов, и через них прошли все отечественные знаменитости. Известно, как боролись

провинциальные города за право открыть у себя университет. Когда в Воронеже появился университет, туда ринулись сотни жаждавших получить высшее образование (а совслужащих направляли по разнарядке). В Государственном архиве Воронежской области есть фонд, где сосредоточены личные дела абитуриентов первых лет существования ВГУ. Когда изучаешь опись фонда, постоянно наталкиваешься на знакомые фамилии. Это значит, что ВГУ стоял у истоков формирования местной интеллектуальной и художественной среды. В послевоенные годы ведущую роль ВГУ в системе городских вузов никто не оспаривал. Ректор ВГУ Б. И. Михантьев, если мне не изменяет память, даже входил в состав бюро обкома КПСС.

В постсоветскую пору бесконечное и отчасти бессмысленное реформирование высшей школы привело к размыванию традиционных представлений. Понятие «классический университет» в современном гражданском обществе еще не привилось, а изобилие разных университетов не прибавляет моей alma-mater должного уважения. Но как бы то ни было, ВГУ не теряет своих лидерских позиций, демонстрирует здоровые амбиции, а в духовной жизни Воронежа продолжает играть ведущую роль: многие воспитанники гуманитарных факультетов хорошо проявляют себя в разных отраслях культуры. И это неудивительно: ВГУ всегда притягивал к себе ярких, талантливых абитуриентов. Я в этом лишний раз убедился, когда занимался подготовкой «Воронежской историко-культурной энциклопедии», где выпускники ВГУ мелькают постоянно.

Особо хочу сказать о роли студенческих наставников в региональной культуре. Помоему, она не столь велика, как могла бы быть. Корпоративная замкнутость педагогического сообщества, нежелание вырваться за рамки однообразного учебного процесса, неоправданная ревность по отношению к коллегам, стремящимся, помимо профессиональной работы, к просветительской деятельности на внеуниверситетском уровне — все это не дает возможности полностью раскрыться творческому потенциалу преподавательских коллективов, особенно на гуманитарных факультетах. Я часто вспоминаю Владислава Анатольевича Свительского, с которым вместе реализовывал различные мемориальные проекты. В нем пульсировала общественная жилка, прорывался неуемный гражданский темперамент... Я слежу за деятельностью других бойцов университетской дружины — Виктора Акаткина, Александра Акиньшина, Олега Алейникова, Александры Глуховой, Ларисы Дьяковой, Валентина Инютина, Льва Кройчика, Иосифа Стернина, Владимира Тулупова — их хорошо знает публика, они вносят ощутимую лепту в общеворонежскую культуру. Но почему не слишком слышны иные голоса? Авторитет ВГУ только прирастал бы за счет более энергичного участия университетских специалистов в региональных духовных процессах.

Завершая разговор о ВГУ, скажу: будь на то моя воля, официально придал бы нашему университету как старейшему и головному высшему учебному заведению на территории Центрального Черноземья особый общерегиональный статус — со всеми вытекающими отсюда юридическими и экономическими привилегиями.

Заканчивая нашу беседу, мне хочется поблагодарить Вас за обстоятельность размышлений, интересные и глубокие мысли, за искреннее внимание к нашему изданию. Олег Григорьевич, что бы Вы хотели пожелать альманаху «Университетская Площадь»?

Вышедшие номера альманаха понравились мне в первую очередь тем, что опубликованные там материалы не ограничены пределами собственно ВГУшной проблематики. Ведь что такое университетское духовное пространство, что такое «Университетская Площадь»? Это всеобъемлющая, универсальная сфера влияния на различные грани местной жизни, прежде всего, на ситуацию в культуре. Любой классический университет есть магнит, втягивающий в свое силовое поле множество, казалось бы, посторонних явлений и лиц. Поэтому позиция редакции альманаха — закидывать в море широкий невод — представляется мне верной.

Мое пожелание: активнее отыскивать незаурядных, составивших себе имя выпускников ВГУ, обращая особое внимание на тех из них, кто обретается вдали от отеческих пенатов. Рассказы о таких людях, интервью с ними поднимут еще выше градус уважения воронежцев к своему головному вузу.

Беседу вела Т. А. Дьякова